

Документы Владимирского госархива о декабристах

В связи с исполняющимся в 1975 году 150-летием со дня восстания декабристов во Владимирском Государственном архиве предпринята попытка выявить все имеющиеся в нем документы, связанные с декабристами. Такой поиск осуществляется впервые. До сих пор исследователи использовали отдельные документы, которые относятся к теме «Декабристы и наш край», но как в самой теме, так и в выявлении документов по ней имеются значительные пробелы. Проводимая работа поможет в значительной степени их ликвидировать. Предлагаем первую публикацию о документах, отражающих тему секретного полицейского надзора за декабристами на территории бывшей Владимирской губернии.

Хранящиеся материалы о движении декабристов очень обширны. Только в историческом архиве Москвы насчитывается около 30 фондов. Много документов имеется в рукописных отделах библиотек и музеев.

Не составляет исключения и наш архив. На протяжении почти двух десятилетий после восстания 1825 года в различных губернских и уездных учреждениях откладывались документы, так или иначе связанные с движением декабристов. Характер этих материалов довольно однообразен: они отражают репрессивные мероприятия царизма против участников восстания и их последователей. Над многими из них был установлен секретный полицейский надзор. Некоторые из поднадзорных жили во Владимирской губернии, поэтому в архиве канцелярии Владимирского губернатора сохранились документы, которые дают возможность получить сведения о судьбе отдельных участников движения декабристов: П.И. Калошине, П.П. Свиньине, Ф.А. Голицыне, Е.П. Екалычеве, Ф.П. Шаховском, Д.А. Щепине-Ростовском и других.

Одним из первых под надзор полиции во Владимирскую губернию прибыл Павел Иванович Калошин. Он не проявил себя активно в движении. Тем не менее, по представлению Следственной комиссии, был уволен с занимаемой им должности советника Московского губернского правления и сослан под секретный надзор в село Смольнево Покровского уезда – имение своей жены, без права выезда в столичные города. Он прибыл во Владимирскую губернию с билетом Петербургского обер-полицмейстера в июне 1826 года и почти два десятилетия прожил под надзором владимирской полиции.

Документы полицейской слежки не дают особых подробностей жизни сосланных в свои имения бывших участников тайных обществ. В ведомости наблюдения большей частью стоит трафаретное: «ни в чем предосудительном замечен не был», «ничего не замечено», «занимается хозяйством». Отстраненные от службы, оторванные от друзей, под неусыпным полицейским оком, они были практически лишены возможности активного участия в общественной жизни и даже открытого выражения своих мыслей. И тем не менее, кое-какие сведения проникают даже в трафаретные отчеты. Так, в отношении Костромского вице-губернатора Владимирскому губернатору о поездке Павла Ивановича Калошина в Костромскую губернию сообщается, что находился он там с 4 по 27 декабря 1833 года и *«вел себя прилично званию своему, стеснения никому не чинил, но напротив, в Варнавинском уезде с крестьян жены своей сбавил оброку 1 500 руб. и сверх того им же выдал на поправку и на покупку хлеба денег 2 100 рублей»*.

В делах имеется переписка Владимирского губернатора с шефом жандармов Бенкендорфом, которая касается судьбы Калошина. В 1831 году он получил разрешение на въезд в Москву, а в 1843 году ходатайствовал о разрешении приезжать в Петербург, куда уехали учиться его сыновья. На запрос Бенкендорфа губернатор ответил, что Павел Калошин поведения *«отлично хорошего»* и он находит его *«достойным освобождения из-под надзора полиции»*. Бывший декабрист уже не был страшен властям: губернатор пишет, что Калошин уже около восьми лет как ослеп, поэтому живет уединенно и скромно.

Под надзором полиции был и Петр Павлович Свиньин, *«прикосновенный к делу о тайных обществах»*. Его частые приезды из Москвы в имение своего отца село Смоленское Переславского уезда нашли отражение в многочисленных донесениях исправника.

Под надзором полиции во Владимирской губернии находился и Федор Андреевич Голицын. Степень его участия в делах тайных обществ по имеющимся документам установить трудно. В графе «Ведомости о лицах, состоящих под надзором полиции» о причине надзора говорится лишь, что надзор *«установлен по предписанию бывшего господина владимирского гражданского губернатора, последовавшему с Высочайшего повеления с 12 апреля 1827 г.»*. В другом донесении говорится о Голицыне как «замешанном по 14-му декабря». Жил он в Москве, а летние месяцы вместе с семьей проводил в сельце Любкове Александровского уезда. В одном из донесений говорится о поездке Голицына в свое суздальское имение около ГавриловаПосада. Бывал Федор Андреевич и во

Владимире, где жил его дядя титулярный советник князь Голицын. Всё это отражено в документах.

В тех же документах есть сведения, что во Владимир проездом в Рязань в мае 1834 года заезжал декабрист Александр Иванович Сабуров, который жил под секретным надзором полиции в Москве.

Не всегда донесения губернатора шефу жандармов о поведении поднадзорных отмечали их «хорошее поведение». В 1833 году возникло дело о князе Николае Парфентьевиче Енгальцеве, который за вольный образ мыслей, «противных благонамеренным видам правительства», был арестован по приказу Бенкендорфа. Донос на Енгальцева написал майор корпуса жандармов, один из тех, через посредство которых осуществлялся политический сыск в России.

В доносе отмечалось, что главный предмет разговоров Енгальцева *«состоит в непрерывной брани Государя и всей Императорской фамилии; все происшедшие события им объясняются в унижительном виде для власти самодержавной, суждения его о преступниках по происшествию 14-го декабря 1825 года весьма дерзкие, клонящиеся к защите их участников как благонамеренных, и что только некоторые из них подвергнуты сему наказанию, но что главные зачинщики остались как бы в Отечестве неизвестными, что скоро прольется кровь за кровь, и что неминуемо будет истреблена царская фамилия»*.

В делах канцелярии губернатора имеются документы о декабристе Федоре Шаховском, заключенном в тюрьму Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря, о Дмитрие Щепине-Ростовском, умершем во Владимирской губернии.

В реестре секретным делам канцелярии губернатора за 1860 год значится под № 28 Басаргин Николай, коллежский регистратор. Короткая заметка при этом: *«наблюдать за его поведением»* говорит о том, что и по возвращении из Сибири Николай Васильевич Басаргин, как и его друзья, находился по секретным надзором, хотя уже в 1859 году полицейский надзор за вернувшимися из Сибири декабристами был прекращен.

Как видно из упомянутого документа, правительство не оставляло своим вниманием их и после опубликования официального манифеста о снятии надзора.

Призыв. 1975. 26 июля. № 173. С. 3.